

Осипова Ольга Ивановна

### **ФЕНОМЕН КОМИЧЕСКОГО В ДИСКУРСЕ МОДЕРНИСТСКОЙ ПРОЗЫ**

В статье рассматривается роль комического в прозе модернистов: Ф. Сологуба, В. Брюсова, М. Кузмина. Делается вывод о том, что главным явлением в прозе является ирония, несущая полифункциональную нагрузку: стилистический прием, мировоззренческая категория, способ игры с читателем. Особенность трагического мироощущения рубежа веков отразилась и на способах отражения комического. Особого внимания заслуживает роль иронии в мифологической репрезентации реальности в литературе начала XX века.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/33.html](http://www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/33.html)

Источник

### **Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 122-124. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/](http://www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/)

### **© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

УДК 82-31

**Филологические науки**

*В статье рассматривается роль комического в прозе модернистов: Ф. Сологуба, В. Брюсова, М. Кузмина. Делается вывод о том, что главным явлением в прозе является ирония, несущая полифункциональную нагрузку: стилистический прием, мировоззренческая категория, способ игры с читателем. Особенность трагического мироощущения рубежа веков отразилась и на способах отражения комического. Особого внимания заслуживает роль иронии в мифологической репрезентации реальности в литературе начала XX века.*

*Ключевые слова и фразы:* комическое; ирония; миф; модернизм; роман.

**Осипова Ольга Ивановна**, к. филол. н., доцент

*Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный институт, г. Владивосток  
fia-fa@mail.ru*

**ФЕНОМЕН КОМИЧЕСКОГО В ДИСКУРСЕ МОДЕРНИСТСКОЙ ПРОЗЫ<sup>©</sup>**

В литературе XX столетия чрезвычайно активно использовались самые разнообразные формы иронического. Ирония стала необходимым и актуальным художественным инструментом для обозначения абсурдного в литературе и жизни общества настоящей и предшествующих эпох. Близкий предшественник иронии XX века – романтическая ирония, которая получила выражение в произведениях Ф. Шлегеля, Э. Т. А. Гофмана. Она указывала на несоответствие идеала и реальной жизни, относительность реальных ценностей. Именно в период романтизма в творчестве писателей началось рассмотрение иронии как содержательной категории, связанной с мировоззрением и эстетикой авторов. «Для нее относительна всякая действительность, кроме жизни и мира в целом... Романтическая ирония велит от меньшей действительности восходить к наибольшей и глазами этой наибольшей глядеть на меньшую, трактовать ее и оценивать» [1, с. 42].

Проблема изучения различных видов комического пафоса модернизма в настоящее время чрезвычайно актуальна, поскольку позволяет провести «мосты» преемственности между двумя мировоззренческими эпохами: модернизмом и постмодернизмом. Исследовательница М. Т. Рюмина справедливо указывает: «Смех стал основной эстетической доминантой, экзистенциальной характеристикой бытия человека и его умонастроения. Эта доминанта приобретала на протяжении всего XX века различные звучания. Она варьировалась от «нигилистической иронии» начала века до постмодернистской иронии и юмора, «искусства по-верхности», как выражения маргинальности современной культуры» [8, с. 299]. Данное исследование посвящено рассмотрению функций комического в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» [9], в романе В. Брюсова «Огненный ангел» [3], а также в биографических сочинениях М. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» [6] и «Подвиги Великого Александра» [5].

Роман Ф. Сологуба «Мелкий бес» представляется самым неоднозначным творением автора. Хотя роман по праву можно назвать одним из самых «мрачных» произведений начала века, ему присуща стихия комического. Взяв за основу трагическое событие – сумасшествие гимназического учителя Передонова и совершенное им убийство, автор вложил в основу романа много иронии, сатиры и гротеска.

По мнению исследователей, близкая предшественница иронии Сологуба – ирония романтическая, позволившая синтезировать комическое и трагическое, прекрасное и безобразное, что обусловило особенности рассматриваемого романа. Стихия романа определяется взаимодействием всех элементов комического, которое проявляется во всех элементах романной структуры: на уровне персонажей, на уровне сюжета, хронотопа. Не ставя перед собой задачу в рамках статьи рассмотреть все сферы, обратимся к стратегически важным для понимания романа аспектам.

Остановимся на особенностях создания образов героев романа. С одной стороны, их можно разделить на два противоборствующих лагеря, представители которых – Людмила Рутилова и Передонов – выражают ценностные оппозиции двух миров, две стихии в романе. Но (и это отмечают исследователи) этим двум мирам свойственны глубинные иронические соответствия: «и в контрасте (у одних мечта – творение легенды, у других греза – инспекторское место), и в сходстве персонажей в этом плане (и то, и другое – мечты, «обольщения сердца», некая «еверхзадача») проглядывает авторская ирония: внешнее противопоставление обобщается глубинным сходством двух «плюсов»» [4, с. 88].

Формы фантастического гротеска, с которым читатель сталкивается, например, при описании посещения Передоновым чиновников, используются не только как способ осмеяния (это прерогатива писателей предыдущих эпох литературы), но как возможность показать трагическую пустоту, чудовищную глупость, низменность устремлений, внутреннюю неустойчивость современного человека, подчиненного ритуальным формам существования. Выведение этих качеств также связано с описанием окружения Передонова. На первый взгляд, бесчинства главного героя можно мотивировать надвигающимся безумием, но сатирически обрисованное окружение Передонова, подхватывающее любое его начинание, позволяет говорить о масштабности

этого явления, не ограниченного даже рамками отдельно взятого провинциального города. Такое изображение стало возможным благодаря повествовательной структуре романа. Ориентируясь на традицию Н. Гоголя, писатель вводит в мир произведения образ повествователя, который является представителем этого общества (например, неоднократное упоминание в ремарках: «наш город»), который по мировоззрению близок его жителям. И хотя повествователь, резко дистанцируясь от героя, с иронией и презрением рисует его самого, обыденность и скудость его сознания, в моменты душевной тоски Передонова можно наблюдать связь созданной картины мира, в которой существует герой, с состоянием души самого повествователя. Это проявляется, например, в следующем: главный герой никогда не является выразителем чувства тоски, владеющего им, это прерогатива повествователя: «А на земле, в этом тесном и вечно враждебном городе, все люди встречались злые, насмешливые. Все смешивалось в общем недоброжелательстве к Передонову, собаки хохотали над ним, люди облаивали его» [9, с. 240]. Но повествователю также свойствен и критический взгляд на окружающий мир, поэтому он является, своего рода, связующим звеном между героями и собственно автором.

Можно отметить, что главным средством создания мира романа у Сологуба является ирония, выступающая как средство выражения трагизма окружающей действительности.

В романе В. Брюсова «Огненный ангел» [3] ирония возникает на стыке двух повествовательных инстанций. Первой из них является сам герой, описывающий год своей жизни и по сути сводящий всю свою предшествующую и последующую жизнь именно к этому году, когда он встретил Ренату, прожил с ней и потерял. «Я» повествователя явлено, в основном, во вступлении в форме обращений к адресату и прямого выражения интенций автобиографического письма. Исповедальный тон произведения предполагает сочувствие и понимание внутренней жизни души со стороны читателя. Иронический контраст возникает в ходе частичной нейтрализации образа повествователя и изображения событий с точки зрения уже прожившего эти события, а не непосредственно их переживающего, что приближает прошлое и позволяет герою увидеть нить событий, их причинно-следственные связи, оценить свои поступки, увидеть игру Ренаты, манипулирующей им.

Важен еще один уровень романа, вынесенный за его рамки, но оказавший серьезное влияние на его структуры. Связан он непосредственно с событиями, происходящими в реальности с автором романа, поскольку в романе изображены перипетии отношений прототипов его героев. Многолетние отношения В. Брюсова – Н. Петровской – А. Белого нашли воплощение в описании этого года жизни Рупрехта. Такой принцип автобиографизма предполагает ироническую игру с читателем. Сведущий реципиент прочтет двойную биографичность романа, несведущий увидит только исторический пласт.

Ирония является также ярким средством воздействия на оценки читателя при восприятии текста. Д. Лодж отметил, что у иронии нет «вербальной формы», в отличие от других тропов, она открывается только при толковании текста [10, р. 179]. Соответственно иронии нет без читателя, так как именно он должен обнаружить ту «острую насмешку за положительной оценкой» [2, с. 98], в которой и заключается ирония. «Посмеяться» вместе с автором может только читатель, который находится в одной интерпретационной парадигме с ним. То есть ирония может стать дополнительным каналом «связи» между читателем и автором, связующим их вместе через текст произведения.

Общий механизм воплощения иронии у М. Кузмина в романе «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» [6] основан не только на принципе семантической двуплановости, выражаемой прямыми и переносными значениями, когда возникают отношения несоответствия или противоречия между ними. Скрытое противоречие может выражаться в двойственности самой ситуации, когда за внешне объективным рассказом стоит скрытая насмешка.

Подобный принцип изображения событий приводит к двойственности восприятия героя и его действий (а возможно, и эпохи, которая сделала Калиостро героем): поступки и жизнь Калиостро можно толковать и как проявление высокой миссии великого человека, познавшего тайны бытия и применяющего свои знания на благо окружающих, и как действия удачливого до определенного времени мошенника, так удачно мистифицирующего окружающих: «Говорили, будто он – С-Жермэн, чего он не опровергал; сам же себя он именовал иногда графом Фениксом и графом Гара, будто умышленно усиливая мрак и путаницу вокруг своей личности» [6]. Рисуя этот образ, Кузмин создавал тончайшее обобщение подобного типа биографического героя и, возможно, разрабатывал определенный способ повествования для жанра биографического романа [7]. Жанровые особенности биографического произведения не предоставляют повествователю давать прямые оценки, должна быть соблюдена с предельной последовательностью внешняя форма объективности, но создают подходящие обстоятельства для проявления внутренней иронии автора.

В другом романе М. Кузмина «Подвиги Великого Александра» [5] стихия иронического связана со сферой мифологизма в романе. М. Кузмин в данном романе ориентируется на несколько мифологических традиций одновременно. Создается эффект множественной мотивации сюжета романа и образа Александра. Определенно, введение различных мифов подразумевает их переосмысление. Причем осуществляться оно будет в ироническом ракурсе. Ироническая переоценка мифов совершается благодаря трагестивированию архетипических образов. Кроме того, аллегоричность мифа используется Кузминым как стилистический прием (особенно это очевидно в главе «Кандакия» [Там же]). В силу такого подхода появляется иная концепция неомифологизма: миф – это уже не сказание о героях и их подвигах. Миф – это повествование, которое убеждает человека в его обреченности, поскольку его божественное происхождение и, как следствие, бессмертие только плод обмана. Александр оказывается героем, обреченным на постоянный

поиск пути, он не может завершить свой путь, пройти инициацию полностью. Начав свое путешествие с призыва и пройдя первый порог, Александр застревает на испытаниях лиминальной стадии. В романе часто повторяется мотив пересечения границы: странствование по пустыне, испытание воздуха, испытание воды, испытание, устроенное Кандакией. Мотивы переходности, инициации вводятся в роман благодаря целому ряду деталей, которые в силу своей архетипичности носят символический характер: пустыня, мосты, леса, врата – все это обозначает грань, которую стремится перейти Александр: «Через болота, темные леса, высокие, в темное небо уходящие горы, мглу и туманы – шли они, мимоходом покоря безропотные народы» [Там же]. Но чаще всего, дойдя до этой грани, он вынужден возвратиться так и не пройдя ее: встречающиеся ему вестники с той стороны приказывают ему вернуться. Герой романа оказывается в состоянии пограничья, что лишает его способности к выдающимся поступкам, которые совершали герои мифов. Потому, на наш взгляд, иронически многозначным оказывается название романа, иносказательно указывающее не столько на подвиги Александра в момент строительства империи (как раз этому в романе уделено мало внимания), сколько на завершение жизненного пути героя.

Так, Кузмин на примере своего героя показывает катастрофичность попыток личности найти путь познания мира и самого себя. При этом важнейшее знание, которое постигает человек в результате инициации, является представление о конечности своего существования.

Рассмотрев только ряд текстов модернизма, мы можем определить функциональную нагрузку видов комического, иронии в большей степени, в романах периода начала XX века. В целом формы комического сообщают рассматриваемым романам, как сложным формально-содержательным образованиям, структурную целостность, единство и многомерность стиля. В сфере романов ирония выступает и как локальное, стилистическое средство (троп), и как форма творческого освоения и подачи действительности, и как концептуальная база, мировоззренческая категория, как особый тип самоопределения человека в окружающем его мире; ирония и другие виды комического являются механизмами смыслопорождения, задающего новые интерпретационные возможности прочтения текстов.

#### *Список литературы*

1. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 511 с.
2. Боров Ю. Комическое. М.: Искусство, 1970. 239 с.
3. Брюсов В. Проза. Собр. соч.: в 3-х т. М.: Библиосфера, 1997. Т. 3. 494 с.
4. Иванова О. В. Ирония как стилеобразующее начало в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес»: дисс. ... к. филол. н. М., 2000. 211 с.
5. Кузмин Михаил Алексеевич. Подвиги Великого Александра [Электронный ресурс] \ Кузмин М. А. Стихи и проза. М.: Современник, 1989. URL: [http://az.lib.ru/k/kuzmin\\_m\\_a/text\\_0264.shtml](http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_0264.shtml) (дата обращения: 20.06.2014).
6. Кузмин Михаил Алексеевич. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро [Электронный ресурс] // Михаил Кузмин. Стихи и проза. М., 1989. URL: [http://az.lib.ru/k/kuzmin\\_m\\_a/text\\_0284.shtml](http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_0284.shtml) (дата обращения: 25.06.2014).
7. Осипова О. И. Жанровая модификация романа М. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4. Ч. 1. С. 134-138.
8. Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 320 с.
9. Сологуб Ф. Мелкий бес. Стихотворения великолукского периода. Великие Луки: Маркелов, 2010. 364 с.
10. Lodge D. The Art of Fiction. London: Penguin Books, 1992. 325 p.

#### PHENOMENON OF THE COMIC IN THE DISCOURSE OF MODERNIST PROSE

**Osipova Ol'ga Ivanovna**, Ph. D. in Philology, Associate Professor  
The Far Eastern State Technical Fisheries University, Vladivostok  
*fia-fa@mail.ru*

In the article the role of the comic in the prose of such modernists as F. Sologub, V. Bryusov and M. Kuzmin is considered. The author draws a conclusion about the fact that the main phenomenon in the prose is irony which carries a polyfunctional message: stylistic device, world outlook category, way of play with a reader. The peculiarity of the tragic perception of the world of the turn of the centuries affected the ways of the comic reflection. Special attention is drawn to the role of irony in mythological representation of the reality in the literature of the beginning of the XX century.

*Key words and phrases:* the comic; irony; myth; modernism; novel.